

РАЗДЕЛ VI
КОНКРЕТНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Part VI. SPECIFIC ISSUES OF MODERN PHILOSOPHY
OF EDUCATION AND SOCIAL PHILOSOPHY

DOI: 10.15372/PHE20150620

УДК 13+373.3/.5+372.016:94

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД
К СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ НАПОЛНЕНИЮ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В. И. Варющенко (Санкт-Петербург), **О. В. Гайкова** (Новосибирск)

Статья акцентирует внимание работников системы образования на одном из возможных инновационных путей модернизации современного исторического образования. Историография является обязательным элементом содержания исторического образования, включая в себя совокупность исторических исследований, относящихся к какой-либо проблеме. Поэтому требуется профессиональное рассмотрение теоретических и эмпирических уровней исторического знания для углубления компетентности учителя в сфере гносеологии. Авторы анализируют воздействие философско-мировоззренческих течений на историческое исследование. Именно своеобразное влияние философско-мировоззренческих течений на познание, их воздействие на историческое исследование через выбор исследовательских приоритетов определяет значимость теоретического и практического уровней гносеологии истории. Теоретический уровень, отражая связь современного исторического познания с системой других научных познаний, объясняет наличие дискуссионных вопросов исторической науки самим предметом исследования, множественностью «исторической реальности» в контексте современной теории и практики исторических исследований. Истори-

© Варющенко В. И., Гайкова О. В., 2015

Варющенко Виктор Иванович – кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник общего образования Российской Федерации.

E-mail: varvic47@mail.ru

Гайкова Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, учитель истории высшей квалификационной категории МБОУ СОШ № 26.

E-mail: gaikova28@yandex.ru

Varyushchenko Viktor I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Honored worker of the general education of the Russian Federation.

Gaikova Oksana V. – Candidate of Pedagogical Sciences, history teacher of the highest qualification category at the school № 26.

ческое познание имеет конструктивный характер, но это конструирование произвольно и определяется «адресом» историка, характеризующим тот или иной познавательный результат его работы:

– индивидуальный контекст (историк – не просто продукт своего времени, он – уникальное пересечение социокультурных традиций с индивидуальными особенностями исследовательской деятельности);

– социокультурный контекст (историк в своем исследовании накладывает отпечаток на изучаемую реальность, так как всегда воспринимает прошлое с позиции своего времени, сквозь призму современной ему социокультурной среды, оказывающей неизбежное влияние на исследовательскую позицию и понимание событий исторического прошлого).

Прагматический уровень познания истории связан с развитием исторического знания, на обновление которого оказывает влияние современная историографическая ситуация, приводящая к переосмыслению «феномена несогласия ученых-историков» по исследуемым ими дискуссионным вопросам исторической науки.

Прагматический уровень познания истории связан со стремлением историка к совершенствованию методики познания истории. Этим обусловлена необходимость решения учителями истории в процессе преподавания дискуссионных вопросов исторических наук круга проблем: как историки-профессионалы исследуют интересующие их «дискуссионные вопросы»? каковы уровни их познания и критерии их отбора в содержании исторического исследования? Предлагаемый опыт ученого-историка как субъекта познания и сделанные им выводы могут быть обсуждены широким кругом учителей на понятном им языке, а при его обсуждении и использовании в процессе преподавания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки сохраняется ценностно-смысловое содержание реальной жизни.

Ключевые слова: альтернативные концепции, историографическая версия, дискурс, критическая дискуссия, легитимность, научность, плюрализм.

INNOVATIVE APPROACH TO THE CONTENT CONSTRUCTION OF THE SCHOOL HISTORICAL EDUCATION

V. I. Varyushchenko (Saint-Petersburg), **O. V. Gaikova** (Novosibirsk)

The article focuses the attention of educators on one of possible innovative ways of modernization of the contemporary historical education. Historiography is a mandatory element of the content of historical education, including the totality of historical research related to any problem. So we need a professional review of the theoretical and empirical levels of historical knowledge to increase the competence of teachers in the field of epistemology. The authors analyze the impact of the philosophical trends in historical research. It is exactly a specific influence of philosophical and world-view schools on cognition, their impact on historical research through the choice of research priorities that determine the significance of theoretical and practical levels of the epistemology of history. The theoretical level, reflecting the connection between the contemporary historical cognition with the system of other scientific knowledge, explains the presence of controversial issues of history by the subject of research itself, by the multiplicity of «historical reality» in the context of the modern theory and practice of historical research. Historical cognition has a constructive character, but this construction is involuntarily and is determined by the «address» of the historian, characterizing a particular cognitive result of his/her work:

– the individual context (the historian is not just a product of his/her time, he/she is a unique intersection of social and cultural traditions with the individual characteristics of the research activity);

– the socio-cultural context (the historian in his/her research affects the reality under study, because he/she always perceives the past from the perspective of his/her time, in the light of contemporary social and cultural environment, having an inevitable impact on his/her research position and understanding of the events of the past).

The pragmatic level of cognition of history is associated with the development of historical knowledge, which updating is influenced by the modern historiographical situation that leads to rethinking of «the phenomenon of disagreement between historians» concerning the controversial issues of the historical science under their study.

The pragmatic level of cognition of history is also connected with the desire to improve the methodology of cognition of history. This leads to the necessity to address in the teaching the controversial issues of historical sciences: how do historians-professionals study the controversial issues interesting for them? what are the levels of their cognition and the selection criteria in the content of historical research? The proposed experience of the scientist-historian as a subject of cognition and the conclusions made by him/her can be discussed by a wide range of teachers in their own language, and, during its consideration and use in the teaching of controversial issues of the social-humanitarian science, there is preserved the value-semantic content of real life.

Keywords: alternative concepts, historiographic version, discourse, critical discussion, legitimacy, scientific character, pluralism.

В современном научном познании должное место отводится проблеме понимания роли плюрализма, многообразия не совпадающих друг с другом мнений ученых по исследуемым дискуссионным вопросам социально-гуманитарной науки. Обсуждаются теоретические концепции ученых, по-разному описывающих один и тот же фрагмент действительности и приходящих по некоторым вопросам к противоположным выводам, базируясь при этом на одних и тех же когнитивных принципах и эмпирическом материале. Путем гносеологического анализа не представляется возможным принять одну из концепций как истинную и отвергнуть все остальные как ложные: все возникающие в данном случае варианты равноправны и доказуемы в равной степени [1].

Показать предпочтительность некоторой теории перед ее соперницами и дать предварительное или пробное принятие данной теории может критическая дискуссия. Критические доводы могут оказать поддержку теориям, но эта поддержка никогда не является окончательной [2]. Теоретическая критика (или критика со стороны альтернативы) позволяет структурировать отношения между альтернативными концепциями с точки зрения распределения между ними ролей в конкретном поле критики при заданных господствующей парадигмой условиях ведения дискуссии. В поле критической дискуссии альтернативы двигаются, отталкиваясь друг от друга, выходя на все более широкое поле научной и философской аргументации, обращаясь к социокультурному фону.

Критическая дискуссия в науке – один из критериев выбора теории. Ведение конструктивной критической дискуссии не только создает напряжение в критикуемом и критикующем, но и позволяет актуализировать их

потенциал для решения возникших дискуссионных проблем социально-гуманитарной науки. Альтернативные концепции возникают не при наличии поля критики вообще, а при конструктивной направленности критики, то есть при вполне определенных параметрах этого поля. Критикуемое, если речь идет об альтернативах, должно противостоять критикующему как, по меньшей мере, однопорядковая целостность, позволяющая развернуть концептуально многоуровневую критику. В этическом плане этот момент может быть выражен как принцип уважения, дающий возможность с пониманием отнестись к чужим достоинствам и недостаткам [3].

В гносеологии истории можно выделить теоретический и практический уровни. Значимость такого разграничения определяется своеобразием влияния на познание мировоззренческо-философских течений. Эти течения воздействуют на историческое исследование через выбор исследовательских приоритетов: культуры, социально-экономической истории, события, менталитета, цивилизации. Выбор исследовательских приоритетов, отмечает К. В. Хвостова, носит эвристический характер. Благодаря такому выбору формируется конкретная исследовательская ситуация, отражающая общее и научное мировоззрение историка. Это, прежде всего, предпосылочное знание, то есть творчески переработанное в соответствии с мировоззрением историка и усвоенное готовое знание по предмету [4].

Теоретический уровень отражает связь современного исторического познания с системой других научных познаний. Наличие дискуссионных вопросов исторической науки объясняется самим предметом исследования, множественностью «исторической реальности» в контексте современной теории и практики исторических исследований. Под «реальностью» в философской науке понимают «некоторую данность, реконструируемую на основе источников в ее феноменологическом многообразии» [4, с. 63]. О. Б. Шулёпова, С. С. Розова отмечают, что на примере исторической науки особенно хорошо видно различие объективной и предметной реальности, так как ученый-историк имеет дело не с объективной реальностью, не с прошлым самим по себе, а с определенным образом эмпирически и теоретически описанной реальностью. Кроме того, историческое познание имеет конструктивный характер, но это конструирование произвольно и определяется «адресом» историка, характеризующим тот или иной познавательный результат его работы [5]:

– индивидуальный контекст (историк – не просто продукт своего времени, он – уникальное пересечение социокультурных традиций со своими индивидуальными особенностями исследовательской деятельности);

– социокультурный контекст (историк в своем исследовании накладывает отпечаток на изучаемую реальность, так как всегда восприни-

мает прошлое с позиции своего времени, сквозь призму современной ему социокультурной среды, оказывающей неизбежное влияние на исследовательскую позицию и понимание событий исторического прошлого).

Между представлениями об исторической реальности разных историков не может быть установлено полное согласие, как не может быть и полного согласия между самими историками относительно разных интерпретаций одних и тех же событий. Однако это существенный механизм развития исторической науки, необходимое условие самой возможности современного историописания как области в философии истории: «Тот факт, что в историографии дебаты и обсуждения занимают более видное место, чем в других дисциплинах, и что историографические дебаты редко, если когда-либо вообще, результируются в концепциях, разделяемых раз и навсегда всеми историками, не должен восприниматься как досадный недостаток историографии, который следует исправить. Наоборот, это есть необходимое следствие применения лингвистических инструментов, используемых историками. Поэтому не должен ни волновать, ни удивлять тот факт, что разногласия среди историков имеют намного более постоянный и драматический характер, чем споры в других дисциплинах» [6, с. 192]. Поэтому объектом изучения становится не историческое прошлое, а историографическая традиция как таковая.

Историческое познание испытывает влияние идеи множественности гуманитарного сознания и культуры, что обуславливает наличие «плюрализма» и «субъективизма» в современной исторической науке. Основную причину «плюрализма» и «субъективизма» следует искать в той роли, которую играет в познании исторический источник. Автор или авторы письменного источника дают свою версию события. Соответственно источник – носитель «субъект-объектной корреляции». При интерпретации источника со стороны историка возникает множественная «субъект-объектная корреляция». Историческая данность, представленная на основе источников, бездонна. Время, прошедшее с момента свершения каких-либо событий или явлений, совокупный исторический опыт человечества и накопленные историками знания позволяют взглянуть на прошлое по-новому, найти новые проблемы, что и дает возможность современному ученому-историку исследовать дискуссионные вопросы исторической науки.

Таким образом, данность по природе плюралистична, а историческая наука сегодня особо интересуется всем множеством проявления бытия, в ней существует плюрализм исторических гипотез, версий, исторических выводов и оценок. Поэтому в конкретном историческом исследовании сегодня правомерно, целесообразно акцентирование разных прояв-

лений «реальности», что и позволяет современным историкам исследовать дискуссионные вопросы не только на теоретическом, но и на прагматическом уровне гносеологии истории.

Прагматический уровень познания истории связан, во-первых, с развитием исторического знания. Согласно мнению философов, в современной историографии ни одно направление не является доминирующим, что побуждает всех участвовать в обновлении исторического знания (см., напр.: [5]). Сегодня мы переживаем момент полицентризма в рождении историографических и культурных инноваций. Во-первых, данная историографическая ситуация приводит к переосмыслению «феномена несогласия ученых-историков» по исследуемым ими дискуссионным вопросам исторической науки и его роли в развитии современного научного исторического знания. Во-вторых, прагматический уровень познания истории связан со стремлением историка к совершенствованию методики познания истории. Этим обусловлена необходимость решения учителями истории в процессе преподавания дискуссионных вопросов исторических наук круга проблем: как историки-профессионалы исследуют интересующие их «дискуссионные вопросы»? каковы уровни их познания и критерии отбора в содержании исторического исследования?

Многие философы отмечают фундаментальную роль дискуссионного вопроса в историческом исследовании, обнажающего новые срезы реальности по конкретным историческим проблемам, доступным в настоящее время в источниках, следах прошлого. Следовательно, дискуссионные вопросы способствуют активизации исторического познания, раскрывают процесс познания историками прошлого, показывают, какое место в данном процессе занимает объективная реальность и что сами историки привносят в данную реальность. Версия историка, по мнению философов А. П. Алексеева, А. А. Грицанова, «является формулировкой разрешаемой проблемы», «задает некоторое поле неопределенности» и «реализует исследовательскую цель историка с возможным выходом на решение дискуссионного вопроса исторической науки» [7, с. 249]. Особо оговариваются процедурные требования к версии – это ее «принципиальная реализуемость на данном уровне исторического познания и данными средствами, избегание в ней оценочных суждений, отсутствие в ней непроинтерпретированных понятий, минимизация в ней различных ограничений и допущений» [7, с. 250].

Таким образом, историографическая версия, выдвинутая историком для предварительного, условного решения поставленного дискуссионного вопроса, снимает собственную проблемность, направляет и корректирует исследование историка. Она согласовывается с уже имеющимися знаниями, историческими фактами и, будучи выдвинута для объяснения

какого-либо явления или события, объясняет неизвестные его стороны, характеристики и связи с другими событиями и явлениями.

Дискуссионные вопросы, согласно мнениям философов, должны:

1) обладать признаком «научности», то есть быть включенными в поле современной проблематики и содержать «заимствованные у других историков готовые, полноценные факты и находить им новое применение»;

2) быть «легитимными», то есть связанными со смежными, параллельными дискуссионными вопросами, вплетенными в сеть других, параллельных или смежных вопросов, и обязательно иметь ответы на выдвинутые историографические версии;

3) быть «темпоральными», то есть позволять сравнивать прошлое и настоящее;

4) содержать аналитическое развитие (пункт за пунктом) тех выводов, которыми обосновывается историком объяснение своей историографической версии [8].

Обращение ученых-историков к исследованию дискуссионных вопросов исторической науки позволяет как учителю, так и учащимся понять их рассуждения. «Правдоподобное рассуждение ученого-историка – это “нарративный дискурс”, который является формой выражения исторического объяснения и понимания» [4, с. 174]. Задача «дискурса» заключается в воспроизведении времени, однако время познаваемо только опосредованно, через его проявления, в частности, через язык культуры. Сложность задачи историка состоит в том, что в историческом настоящем происходит содержательный диалог исторических времен, который историку приходится вести на языке культуры прошлого, однако по вопросам, интересующим науку настоящего, которая, естественно, потребует перевода услышанного на свой собственный язык. Следовательно, в «дискурсе» историка присутствует не только его стиль рассуждений, но и стиль мышления людей другой культуры, что помогает ему выразить другое время в его реалиях, передавая его на языке понятий своего времени.

Исторические нарративы – это условные истории, имеющие начало, середину, конец. Язык нарратива непрозрачен, поэтому мы не можем обращаться к прошлому непосредственно. А между языком и действительностью существует дестабилизация отношений, которая является причиной непрекращающихся историографических дискуссий, продуктивных как для развития самой науки, так и для исторического понимания. Ф. Анкерсмит пишет: «Максимум ясности в историографии может быть получен только благодаря быстрому увеличению интерпретаций, а не в результате попыток уменьшить их число. Историографические дебаты, в конечном счете, стремятся не к соглашению, но к быстрому увеличению интерпретивных тезисов» [6, с. 174]. Поэтому несогласие ученых по изучаемой ими проблеме в исторической науке имеет под собой рациональ-

ное основание: «Можно увидеть рациональное зерно в том, почему историки на определенной стадии исторических дебатов предпочли одно представление о прошлом другому... Процесс выбора интерпретаций не может быть остановлен, так как является неотъемлемой составляющей развития исторической науки...» [6, с. 192].

Работа историка – это процесс развертывания вербальных структур сознания в форме нарративного дискурса. Характер исторического труда определяется не столько исследованиями и идеологией автора, сколько эстетическим выбором, который он делает, когда приступает к работе, и который формирует дискурсивную стратегию текста. «Историк описывает некоторые сущности, существовавшие в прошлом, создавая в процессе описания объекты знания специфического типа. Объект исследования преобразуется в предмет дискурса в большей степени при помощи воображения и особого типа использования языка, чем путем рационализации, и такое преобразование есть художественный аспект историографии» [9, с. 7].

Таким образом, нарратив, являясь темпорально организованным повествованием, в работах зарубежных философов-постмодернистов XX в. соединил два главных объекта их исследования: тему времени и тему языка. Нарративные интерпретации, с их точки зрения, не являются знанием, но выступают как организация знания. Нарративы предполагают определенный взгляд на прошлое, такие предложения могут быть полезны, но о них нельзя сказать, что они истинны или ложны. Здесь исторический нарратив, как считает Г. И. Зверева, выступает как автономная реальность, не имеющая никакой связи с прошлым. «Проблема разделения двух типов дискурсов, описывающих “действительную” и “вымышленную реальность”, снимается через отрицание самой возможности описания “действительной” реальности, возможности пробиться к реальности через текст. И соответственно, проблема истинности (или ложности) исторического дискурса не имеет в данном случае никакого смысла, поскольку и то и другое, с точки зрения логики, – не более чем утверждение-заявление говорящего» [10, с. 18].

Современные российские философы отмечают, что именно научные дискуссии (неотъемлемая составляющая развития науки) свидетельствуют о научности исторических исследований. А относительность исторического знания порождает разнообразие нарративных интерпретаций, работающих на сохранение идей отдельного ученого-историка в содержании социальной памяти и на трансформацию знания личностного в общепризнанное. Неклассический идеал научности в исторической науке исходит из принципа истории-проблемы, согласно которому изучаемая историческая реальность перестает быть неизменной данностью и оказывается ответом на поставленные историком вопросы, познание перестает быть отражением и превращается в активное взаимодействие

историка и истории. Поэтому подлинная наука оказывается всегда относительной, а результаты исследования могут быть дополнены, скорректированы. Такая относительность исторического знания и порождает разнообразие нарративных интерпретаций, но не свидетельствует о ненаучности исторических исследований [11].

История вырабатывает научный дискурс с целью достижения исторической истины. История – не образец реализма, но и не жертва релятивизма. Она занимает промежуточное положение, при котором научные методы совершенствуются с целью как можно больше приблизить уровень исследования к «реальности» и максимально удалить его от «относительности». Это стремление заставляет историка внедрять научные стандарты исследования и ограничивать интерпретационное своеволие. Большую роль в этом играет оценка коллег. Кроме того, «выполнение определенных требований (экспликация собственных взглядов, постановка ясной гипотезы и соотнесение ее с фактами, помещение своей работы в исторический контекст) помогает снизить уровень искажений в исторических работах» [12, с. 182].

Таким образом, дискуссионные вопросы исторической науки как проявление «феномена несогласия» ученых играют значительную роль в нарративном и в социальном пространстве исторической науки. В рамках постмодернистской философии истории эта роль оценивается неоднозначно: 1) неотъемлемая составляющая исторического исследования, позволяющая достигать исторического понимания, вырабатывать концепции исторической реальности; 2) признак ненаучности истории.

Методологические разногласия двух уровней научного исторического исследования (нарративного и социального) способствуют выявлению в данной позиции противоречия и снятию его, так как позволяют в рамках социального пространства оценить историю как науку, находящуюся на неклассическом этапе, особенностью которого является высокая степень несогласия в научных исторических исследованиях [5; 11].

Понимание учителем истории проблемы воздействия философско-мировоззренческих течений на историческое исследование необходимо в процессе преподавания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки, где ему важно не только самостоятельно осуществить отбор содержания историографического учебного материала, но и «в совершенстве овладеть содержанием преподаваемой дисциплины и понять ее предназначение в формировании социально востребованных свойств обучаемого» [13, с. 46]. Конечно, индивидуальный познавательный опыт исследователя может расходиться с опытом учителя. Но предлагаемый опыт ученого как субъекта познания и сделанные им выводы могут быть обсуждены широким кругом учителей на понятном им языке, а при его обсуждении и использовании в процессе преподавания дис-

куссионных вопросов социально-гуманитарной науки сохраняется ценностно-смысловое содержание реальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мартишина Н. И.** Гносеологический статус вариативности знания в науке : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1990. – 17 с.
2. **Поппер К.** Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.keldysh.ru/pages/mrburweb/philosophy/popper/popper3.htm> (дата обращения: 22.05.2015).
3. **Кузнецов О. В.** Метод альтернатив как предмет гуманитарных исследований: основания, генезис, проблема границ применимости: научное исследование. – Екатеринбург, 1998. – 279 с.
4. **Хвостова К. В., Фин В. Г.** Гносеологические и логические проблемы исторической науки: моногр. – М., 1995. – 574 с.
5. **Шулепова О. В., Розова С. С.** Феномен несогласия в естественных и социально-гуманитарных науках (сравнительный анализ): моногр. – Новосибирск, 2011. – 166 с.
6. **Анкерсмит Ф. Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры. – М., 2003. – 390 с.
7. **Грицанов А. А.** Новейший философский словарь. – Мн., 2004. – 1280 с.
8. **Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г.** Логика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001. – 528 с.
9. **Уайт Х.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург, 2002. – 397 с.
10. **Зверева Г. И.** Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексивной новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. – М., 2006. – С. 16–25.
11. **Рузанкина Е. А.** Неклассический идеал научности в исторической науке : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005. – 17 с.
12. **Тош Д.** Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М., 2010. – 289 с.
13. **Бобров В. В.** Образование: «качество» и «инновации» // Философия образования. – 2009. – № 3(28). – С. 37–47.

REFERENCES

1. **Martishina N. I.** Gnoseological status of the variability of knowledge in science: author's abstr. of diss. ... Candidate of phil. sciences. – Sverdlovsk, 1990. – 17 p.
2. **Popper K.** Facts, norms and the truth: a further critique of relativism. – [Electronic resource]. – URL: <http://www.keldysh.ru/pages/mrburweb/philosophy/popper/popper3.htm> (date of access: 22.05.2015).
3. **Kuznetsov O. V.** Method of alternatives as a subject of humanitarian research: foundations, genesis, the problem of boundaries of applicability: a scientific investigation. – Ekaterinburg, 1998. – 279 p.
4. **Khvostova K. V., Fin V. G.** Gnoseological and logical problems of historical science: a monograph. – Moscow, 1995. – 574 p.
5. **Shulepova O. V., Rozova S. S.** Phenomenon of dissent in the natural and social sciences and humanities (a comparative analysis): a monograph. – Novosibirsk, 2011. – 166 p.
6. **Ankersmit F. R.** History and tropology: the rise and fall of a metaphor. – Moscow, 2003. – 390 p.
7. **Gritsanov A. A.** Newest philosophical dictionary. – Minsk, 2004. – 1280 p.
8. **Voishvillo E. K., Degtyarev M. G.** Logic: a textbook for students of higher education. – Moscow, 2001. – 528 p.

9. **White Kh.** Metahistory: Historical imagination in Europe in XIX century. – Ekaterinburg, 2002. – 397 p.
10. **Zvereva G. I.** Reality and historical narrative: the problem of self-reflexive new intellectual history. – Odyssey. Man in History. – Moscow, 2006. – P. 16–25.
11. **Ruzankina E. A.** Nonclassical ideal of scientific historical scholarship: author's abstr. of dis ... Cand. phil. sciences. – Novosibirsk, 2005. – 17 p.
12. **Tosh D.** The quest for the truth. How to master the art of historian. – Moscow, 2010. – 289 p.
13. **Bobrov V. V.** Education: «quality» and «innovation». – Philosophy of Education. – 2009. – No. 3(28). – P. 37–47.

BIBLIOGRAPHY

- Aguirre Rojas K. A.** Western historiography of the twentieth century in the light of the concept of *longue duree*. – Dialogue with time. Almanac of intellectual history. – Moscow, 2002. – Vol. 9. – 397 p.
- Block M.** Apology of history and the craft of historian. – Moscow, 1979. – 436 p.
- Gadamer H. G.** Truth and method. – Moscow, 1988. – 542 p.
- Getman K. F.** From consciousness to action. Pragmatic trend in the philosophy of the XX century. – Problems of Philosophy. – 2001. – No. 4. – P. 20–27.
- Koval'chenko I. D.** Methods of historical research. – Moscow, 1987. – 475 p.
- Mamardashvili M. L.** Arrow of knowledge. A sketch of natural-historical epistemology. – Moscow, 1998. – 752 p.
- Ruzavin G. I.** Fundamentals of the philosophy of history: a textbook for higher education. – Moscow, 2008. – 303 p.
- Simmel G.** Problems of philosophy of history: a study in the theory of knowledge. – Moscow, 1998. – 123 p.

Принята редакцией: 23.04.2015

DOI: 10.15372/PHE20150621
УДК 13+14+133.5+37.0(540)

БУДДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИТАЦИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИИ НАЛАНДЫ⁴ И. С. Урбанаева (Улан-Удэ)

В статье поднимается вопрос об актуальности для современного человечества и особенно для России рационалистического содержания индо-тибетской системы буддизма – критической философии, которая «опустошает» реалистическую онто-

⁴ Статья написана по проекту РФФИ № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

© Урбанаева И. С., 2015

Урбанаева Ирина Сафроновна – доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: urbanaeva@imbt.ru

Urbanaeva Irina S. – Doctor of Philosophical Sciences, Principal Researcher at the Department of Philosophy, Culture and Religious Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.